

В мае 1918 года Полоцк посетил германский принц Леопольд Баварский, главнокомандующий немецкими и австро-венгерскими войсками на Восточном фронте. Ему были представлены высшие должностные лица оккупированного уезда, представители от духовенства и торгово-промышленного союза. На плацу бывшего кадетского корпуса принц произвел смотр немецких войск, расположенных в Полоцке, осмотрел город, совершил прогулку по набережной. А также посетил германское воинское кладбище на Ксаверии. Принца Леопольда Баварского здесь интересовала могила баварского генерала Бернгарда Эразма фон Деруа (Дероя).

В сражении с русской армией под Полоцком 18 августа 1912 года генерал Дерой получил тяжёлую рану в живот, от которой и умер 23 августа. Был погребён близ Полоцка в склепе иезуитского кладбища Святого Ксаверия [5, с. 159].

Таким образом, в г. Полоцке в период Великой войны военнотружущих и военных медицинских работников Русской императорской армии хоронили на Иоанно-Богословском братском кладбище, погосте при Спасо-Евфросиниевском монастыре, но больше всего было погребено на православном Михайловском кладбище. На сегодня и захоронения, и в целом эти кладбища утрачены. Поэтому, чтобы увековечить память о солдатах Первой мировой войны, в г. Полоцке нужно для начала поставить поклонный крест, например, на месте бывшего Михайловского кладбища (сейчас это микрорайон Аэропорт, пересечение улиц Максима Богдановича и Шенягина).

Особенностью всех русских захоронений на территории Полоцка было то, что хоронили только нижних чинов, а тела умерших офицеров отправляли на Родину специальными рейсами. В годы Первой мировой войны на территории Полоцка существовали индивидуальные немецкие захоронения на Лютеранском кладбище (Красное) и особое германское воинское кладбище на Ксаверии.

Список использованных источников

1. Последний приют солдата / А.В. Шарков [и др.]. – Минск : Звезда, 2014. – 208 с.
2. Пасадская, Ж. У. Гістарычныя могільнікі Полацка / Ж. У. Пасадская // Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 860-862.
3. Метрическая книга, по мобилизации данная Главным священником армий Северо-Западного фронта Священнику 5-го госпиталя общины Св. Георгия российского общества Красного Креста для записи умерших без сознания воинов в 4 и 5 Георгиевских госпиталях и в Полоцком местном лазарете. За 1915 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://gwar.mil.ru/70000536>. Дата доступа : 10.01.2021 г.
4. Пятина, Ю. С. Деятельность госпиталей Общины св. Георгия Российского Общества Красного Креста на фронтах Первой мировой войны / Ю. С. Пятина // Псковские архивные чтения: сб. науч. ст. / ГАПО. – Псков, 2015. – Вып. 9. – С. 44 – 51.
5. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад., прад. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з руск. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.
6. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://polotsk.museum.by>. Дата доступа : 16.01.2021 г.
7. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914 – 1918) : сборник документов / сост. : В. В. Врублевский [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко (председатель) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 355 с. : ил.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2564. Оп. 1. Д. 262. Л. 5.
9. Das Landwehr Infanterie Regiment Nr. 99. – Berlin : Dibenburg I. D., 1922. – 336 p.

LOST MILITARY BURIAL THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR IN POLOTSK

R. VOYUSH

This article examines the lost Russian and German military burial during the First World War on the territory of Polotsk, the largest of which was the Russian fraternal cemetery at the Mikhailovsky Orthodox churchyard. A feature of all Russian burials in Polotsk was that only soldiers were buried, and the bodies of dead officers were sent home by special trains.

Key words: military burial, Polotsk, the First World War.

УДК 94 (476.5) «1941/1944» (093.3)

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ БЫТ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ В ПЕРИОД ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ)¹

Гребень Е.А.

Республика Беларусь, Минск

В статье характеризуется экстремальный быт в условиях германской оккупации 1941–1944 годов на основе воспоминаний жителей белорусского Подвинья. Реконструированы повседневные практики, используемые людьми в экстремальной ситуации германской оккупации (экстремальная гастрономия, попытки сохранения имущества, способы лечения заболеваний и т. д.). Акцентируется внимание на отличительных чертах повседневной жизни жителей восточных и западных районов Витебской области.

Ключевые слова: Подвинье, германская оккупация, экстремальный быт, воспоминания

Беларусь использовалась оккупационными властями как источник получения продуктов питания для вермахта, следствием чего стали высокие натуральные налоги для крестьян, тотальный захват продуктов питания в ходе карательных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

операций, карточная система распределения продуктов для городского населения. В экстремальной ситуации германской оккупации 1941–1944 гг. привычный уклад белорусов изменился кардинальным образом. Привычные для мирного времени практики не работали, приходилось вырабатывать повседневные практики, позволявшие выжить.

В западных районах, входивших до сентября 1939 г. в состав Польши, большинство крестьян оставались единоличниками, они встретили оккупацию с тем имуществом, которое удалось сохранить после прохождения фронта. В восточной части Подвинья, подвергшейся в 1930-е годы коллективизации, крестьяне в большинстве случаев разделили колхозную землю, инвентарь и скот. Последний также мог быть получен путем отлова бродивших по полям колхозных животных, которые разбежались в ходе эвакуации [1–6]. Существовала также практика закрепления в пользование одной колхозной лошади за несколькими крестьянскими хозяйствами одновременно [1, 5, 7]. В партизанских зонах в начальный период оккупации могла сохраняться коллективная форма обработки земли. Под контролем партизан люди сеяли, собирали урожай, который потом распределялся между партизанами и гражданским населением [8, 9].

Встречающаяся в некоторых воспоминаниях информация, что конкретной семье в годы войны не голодала, является крайне нетипичной. Как правило, это характерно для воспоминаний жителей Западной Беларуси. Здесь, несмотря на необходимость выплаты немцам натуральных налогов, реквизиции и мародёрство, информанты отмечают, что вплоть до 1944 года их семья питалась удовлетворительно [10, 11]. Для районов, бывших до сентября 1939 г. частью БССР, подобные воспоминания являются исключением. Обычно это касается жителей населенных пунктов, которые продолжительное время надежно контролировались оккупационной администрацией и не были затронуты карательными операциями немцев. Суть таких воспоминаний сводится к следующему: было не просто, но удалось выжить, рацион был не богатым, но голода не знали [5, 12, 13]. Например, жительница д. Чернокустье Бешенковичского района сообщает, что ее семья помогала продуктами родственникам, жившим в городе, и при этом помощь оказывалась партизанам, а корова в семье сохранилась до конца войны, что было крайне не типично в условиях оккупации [4].

Иная ситуация была в той части западной Витебщины, которая подверглась карательным операциям, и, практически повсеместно, в восточных районах. Учитывая размах партизанского движения и исключительно жестокую реакцию на него немцев, которые мстили жителям деревень в районе партизанской активности, информанты оценивают свой рацион питания как исключительно скудный [6]. Если в первый год оккупации еще оставались довоенные запасы продуктов (иногда это был собранный на колхозном поле урожай), домашнего скота и птицы, то впоследствии многие семьи балансировали на грани голода или продолжительное время голодали, особенно если люди были вынуждены уйти в лес, спасаясь от карательных экспедиций немцев. Довоенные запасы продуктов сокращались уже в первые недели оккупации в ходе реквизиций солдат вермахта во время наступления на восток. Где-то они требовали продукты, где-то откровенно занимались мародерством на глазах хозяев [1, 8, 12, 14, 15, 16, 17].

Реалиями оккупации стала экстремальная гастрономия. Информанты упоминают использования в своем рационе крапивы, заячьей капусты, осота, лебеды, вереска, гнилого картофеля, различных суррогатов для выпечки хлеба [2, 3, 6, 18].

Даже если продуктов питания какое-то время хватало (например, деревня была вне партизанской зоны, не подвергалась репрессиям немцев, в семье был трудоспособный мужчина), все равно приходилось использовать альтернативные сельскому хозяйству источники их получения, например, рыбную ловлю [5, 12]. Дополнительный доход давал сбор клюквы и полыни, которые сдавали за соль или оккупационные марки (очевидно, в магазинах Центрального торгового общества «Восток» – Е.Г. [4]. Постоянный дефицит продуктов имел следствием то, что люди не держали собак [9].

Нехватка продуктов усиливалась в результате проводимой немцами эвакуации населения прифронтовых районов на запад. Эвакуация мирных жителей практиковали также и партизаны, переселяя пограничных деревень вглубь партизанской зоны [12, 19, 20]. И там и там эвакуированным приходилось терпеть огромные лишения, но страдали как сами беженцы, так и хозяева, в домах которых их размещали, и которым приходилось обеспечивать не только свою семью. Жительница д. Янковичи Россонского района, чью семью партизаны переселили в д. Горы, вспоминает, что приходилось голодать и им, и хозяевам, не было фуража для взятой с собой коровы, которая не могла стоять, ее приходилось подвешивать на веревках [20]. Эвакуированная немцами в район Бешенковичей жительница д. Мазолово Витебского района вспоминает, что у беженцев реквизировали имущество партизаны, которые при этом не трогали местных жителей. Основу рациона эвакуированных составлял мерзлый картофель, которым поделились хозяева дома, в котором их разместили. Некоторое время питались кониной (лошадь убило молнией), позднее их семье выделили землю под посевы [12].

Исключительно дефицитным продуктом стала соль. Изредка удавалось приобрести ее на рынке. Один информант приводит ее стоимость (2–3 марки за стакан) или выменять на продукты питания у немцев [13, 21]. Другой информант сообщает об обмене соли у немцев на ягоды можжевельника [17]. Невозможность ее приобретения приводила к тому, что люди продолжительное время ели не соленую пищу, использовали найденный «лизунец» для скота, содержащие соль удобрения [9].

В годы оккупации существовала проблема помола зерна. Ликвидация (например, в результате пожара) довоенной мельницы или сложности поездок на мельницу возродила практику доиндустриальной эпохи, когда зерно мололи ручными жерновами [2, 17, 22]. В условиях лесных лагерей такой способ помола был единственно возможным [9].

В рассматриваемый период отсутствовала возможность легального приобретения алкоголя. На фоне его дефицита производимый гражданами самогон являлся универсальной «валютой», с помощью которой можно было решать всевозможные проблемы. Например, можно было купить расположение старосты, чтобы он не выдал кого-либо из членов семьи, бывших активистами при советской власти, или чтобы староста не назначал на работу в рамках обязательной трудовой повинности [14, 23]. Самогон использовался, чтобы отблагодарить односельчан за какую-либо услугу, для семейных праздников, для обмена на необходимые товары [13, 17, 22, 24]. Алкогольная продукция также интересовала немцев и партизан (наличие самогона могло уберечь семью от реквизиций продуктов питания) [21, 25, 26]. В отдельных случаях в начальный период оккупации могли пользоваться довоенными запасами или алкогольной продукцией, полученной из разбитых довоенных магазинов [23, 27]. По мере использования довоенных запасов многие граждане производили самогон самостоятельно [23]. Для его производства использовалась рожь, картофель, хмель [24]. Если же в семье самогон не производили, то по причине отсутствия ингредиентов или мужички, который бы обладал необходимым навыком [4, 9, 17, 28]. В основном доступны женские воспоминания, поэтому информанты, подтверждавшие производство в их семьях самогона, сообщают, что его изготавливал отец или супруг. Жившая д. Ромашковичи Поставского района сообщает, что самогон изготавливала изю ржи и ячменя с добавлением картофеля [29]. В любом случае его всегда можно было купить или выменять у односельчан [5].

Курящие мужчины самостоятельно выращивали табак [24]. Жительница Поставского района отмечает контраст довоенной (польская власть) и немецкой эпохи: «Пры Польшчы табак не садзілі, акцызнік знойдзе табаку – штраф, а пры немцах – колькі хочаш» [14]. В случае невозможности выращивать табак самостоятельно курящие использовали суррогаты. Например, житель д. Островские Витебского района упоминает использование сухого мха, который выдерживали из швов дома [15].

Для обработки земли использовался инвентарь, сохранившийся с довоенных времен или (в восточных районах) полученный в ходе раздела колхозного имущества. Декларированные оккупационными властями выдача крестьянам, своевременно и в полной мере сдававшим натуральные налоги, сельскохозяйственного инвентаря в воспоминаниях подтверждена лишь однажды. Жительница д. Петровщина Поставского района сообщила, что ее отцу был выдан плуг и «драпач», поскольку хутор был хорошо досмотрен [25].

Важное значение в жизни людей имел лес. В нем можно было пасти скот, заготавливать дрова, собирать грибы и ягоды. С другой стороны, лес являлся территорией повышенной опасности, поэтому люди не всегда отваживались в него заходить (боялись и немцев, и партизан) [12]. Теоретически для заготовки в лесу дров граждане были обязаны получать лесорубные билеты и платить деньги, но на практике данное требование немцев игнорировалось. Факт того, что лесник препятствовал людям производить заготовку дров, зафиксировано лишь однажды. Житель г. Барань Оршанского района сообщает, что лесник изымал топоры и пилы, но при этом не трогал детей, собиравших валежник [21].

Нарушение довоенной системы снабжения населения промышленными товарами, работа немногих уцелевших предприятий, выпускавших гражданскую продукцию, в интересах немцев создало ситуацию, когда промышленные товары было практически невозможно приобрести легально. Наличие запасов таких с довоенных времен упоминаются информантами крайне редко [22]. Можно предположить, что они были в основном у жителей Западной Беларуси, имевших до войны более высокий уровень материального благосостояния.

Относительно возможности поездок на рынок в город в воспоминаниях нельзя выделить общей тенденции. Часть информантов сообщает, что такая возможность имела место. В городе можно было продать за деньги или обменять сельскохозяйственную продукцию на керосин, мыло, соль, сахарин, одежду и обувь [5, 7, 21, 29]. Один из информантов сообщает об обменных операциях с евреями в гетто (очевидно, в Поставах) [11]. Другие информанты говорят, что возможности съездить (сходить) на рынок не было в принципе [12, 23, 26]. Очевидно, все зависело от специфики ситуации для жителей конкретной деревни, а именно, от фактора удаленности населенного пункта от районного центра, партизанской активности в районе и реакции немцев на нее (степень контроля немцев над дорогами, опасность нахождения для людей вне деревни). О возможности изредка бывать на рынке сообщают и некоторые жители партизанской зоны, хотя именно им попасть в город было сложнее [6, 24].

Возможность приобрести что-либо на рынке зависела также от наличия в семье продуктов питания на обмен. Так, жительница д. Лужино Лиозненского района вспоминает, что соль, которая была «на вес золота», можно было достать, пока в семье были куры и молоко [7].

Необходимые предметы обихода (керосин, свечи, мыло) также могли получать путем обмена у немцев на продукты питания. Порой детям удавалось выменять на них конфеты [4]. В детских воспоминаниях порой фигурируют кражи каких-либо вещей у немцев или получение их в подарок [12, 21, 30]. Очевидно, порог страха у детей был более низким, плюс имело место детское любопытство, что позволяло им вступать в контакты с врагом. Тем более что дети часто могли быть предоставлены сами себе, пока родители были заняты борьбой за выживание семьи.

По исчерпанию довоенных запасов исключительно сложно было приобрести мыло. Если для горожан существовала небольшая возможность купить или выменять его на рынке, то для сельского населения, оно было практически недоступно, учитывая, что большинство просто не могло их посещать. Соответственно во всех воспоминаниях отмечается практика стирки одежды и постельного белья золой, отбивка деревянным рублем, или же стирали просто в воде [1, 2, 9, 12, 21, 23, 32]. Практиковалось изготовление мыла кустарным способом [25]. Жительница Лепельского района упоминает самодельный раствор для мытья головы из кипяченой золы [32]. Если конкретная семья весь период оккупации прожила в своем доме, то помывка, стирка одежды производилась по мере необходимости, то людям, находившимся продолжительное время в лесных лагерях, поддерживать должный уровень личной гигиены было крайне сложно, а зачастую и невозможно. В летнее время можно было постирать одежду и помыться в близлежащем водоеме, зимой же люди многие месяцы вынуждены были ходить в одной и той же одежде, не имея возможности выстирать ее и вымыться самим [8].

Опасность лишиться своего имущества породила практику сохранения промтоваров и продуктов питания путем закапывания в землю. Это делалось в случае вынужденного ухода в лес из-за угрозы со стороны карателей, практиковалось летом 1944 года, когда линия фронта вновь прошла через деревни, которые могли стать местом боевых действий [20]. Существовала перманентная угроза мародерства со стороны местной полиции, немцев и бойцов прогерманских вооруженных формирований, а также партизан [28]. Практиковался угон уцелевшего скота в лес [14, 32].

Проблемой являлось освещение домов. Большинство деревень в довоенный период были не электрифицированы, а в условиях оккупации освещение с помощью керосиновых ламп стало невозможным в виду отсутствия керосина. Наличие довоенных запасов керосина констатировал лишь один информант [13]. Поэтому обыденной практикой стало освещение домов с помощью лунчины, различных импровизированных светильников («коптилок») [4, 6]. Не менее дефицитным товаром, чем керосин, были спички. Для розжига огня использовали кремь, кресало и трут например, из гриба, или же люди постоянно сохраняли жар в печи или заимствовали угли у соседей [1, 2, 9, 24].

Жители сельской глубинки, которая контролировалась оккупационными властями не продолжительное время и вскоре стала партизанской зоной, не имели возможности получить медицинскую помощь. Обращаться к немецким или местным врачам могли жители деревень, в которых размещалась волостная или районная администрация или немецкие гарнизоны [10, 21, 29].

В случае заболевания распространенным в годы оккупации тифом, приходилось полагаться исключительно на силы своего организма, особенно, если люди болели в лесных лагерях. Один из информантов вспоминает, что помощь от озноба во время болезни тифом в лесу сводилась к прикладыванию к телу раскаленной на костре сковороды [1]. Переболевшие тифом сообщают, что от него умирали односельчане [4, 23]. Отсутствие заболеваний тифом характерно для воспоминаний людей, которые проживали в деревнях, находившихся под твердым контролем оккупационных властей. Жители таких деревень, как правило, несколько лучше питались, имели возможность поддерживать гигиену, поэтому вспышек тифа в них могло не быть [5]. Иногда тиф в такие деревни могли заносить размещенные здесь немцами беженцы [13].

Для лечения использовались различные травы, если кто-то из семьи или односельчан обладал такими познаниями. На незначительные болезни не обращали внимания [2, 3, 9, 21, 23, 29]. Интересную оценку возможностей человеческого организма сопротивляться болезням дает жительница д. Петровичи Поставского района: «Не хварэлі, мнагадзетныя сем’і былі, усё сваё, цяпер жа ж хімія!» [25].

Одной из составляющих оккупационной повседневности был педикулез, для борьбы с которым использовались различные способы. Практиковалась стрижка волос, прожарка одежды, осмотр швов в солнечную погоду и уничтожение паразитов вручную, однако все это давало лишь временный эффект, но не решало проблему кардинально [8, 23]. Последствия педикулеза проявлялись и после войны в виде многолетних пятен от укусов на коже [23].

В условиях антисанитарии была распространена чесотка. Жительница д. Бирюзово Россонского района вспоминает, что размещавшиеся в их доме партизаны лечили чесотку с помощью расплавленного рубероида, которым смазывали кожу [16]. Другой информант упоминает использование для этой же цели дегтя [24]. Жительница деревни Миськие Поставского района утверждает, что для борьбы с чесоткой использовали мазь, сделанную из тола («вот былі брускі такія вот як мыла, жоўтыя») и сала. Когда мать натирала после бани детей, они плакали: «А вы знаеце, пойдзем як ў баню, памыемся, цела распарыцца. А мы маленькія, а мама нас як натрэць. Галосім усе, плачым. Усе плачым. Нам жа больна!» [19].

Результатом антисанитарии и недостаточного питания были также дизентерия и фурункулез [31, 33]. Один из информантов вспоминает, что фурункулы прилипали за ночь к самотканой одежде, оставляя следы на коже [31].

Таким образом, в условиях германской оккупации 1941 – 1944 гг. абсолютное большинство мирных жителей было не в состоянии удовлетворять базовые потребности. Для того, чтобы выжить, приходилось возрождать повседневные практики, характерные для доиндустриальной эпохи. Если для старших поколений, помнивших военное лихолетье Первой мировой и Польско-советской войн, такая ситуация была знакома, ее уже приходилось переживать однажды, то для людей, родившихся в мирные предвоенные десятилетия, реалиями стала ломка привычного жизненного уклада, тотальный голод и нищета, перманентная борьба за выживание, поэтому оккупация даже спустя многие десятилетия оценивается как наиболее травматический опыт в жизни информантов.

Список использованных источников

1. Воспоминания Ж¹, 1927 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Шалашники Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
2. Воспоминания Ж, 1928 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Павлово Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Ж, 1918 г.р., записаны 10.07.2009 г. в д. Велевщина Лепельского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (19 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Ж, 1927 г.р., записаны 11.08.2008 г. в г. Витебске. Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 7 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Ж, 1923 г.р., записаны 18.04.2014 г. в д. Жигули Верхнедвинского района Е.А. Гребенем, Е.В. Сумко; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Ж, 1924 г.р., записаны 10.07.2009 г. в д. Велевщина Лепельского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Ж, 1924 г.р., г., записаны 20.08.2008 г. в г. Витебске Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 19 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Ж, 1934 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Ж, 1922 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Якубово Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Ж, 1923 г.р., записаны 7.10.2017 г. в д. Сороки Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (14 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Воспоминания Ж, 1924 г.р., записаны 13.08.2017 г. в д. Теляки Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
12. Воспоминания Ж, 1929 г.р., записаны 14.08.2008 г. в д. Мазолово Витебского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
13. Воспоминания Ж, 1920 г.р., записаны 24.08.2009 г. в д. Малье Трубачи Витебского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 21 минута на русском языке) хранится в личном архиве автора.
14. Воспоминания Ж, 1927 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Ковали Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
15. Воспоминания М, 1927 г.р., записаны 4.07.2009 г. в д. Островские Витебского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (54 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
16. Воспоминания Ж, 1926 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Бирюзово Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
17. Воспоминания Ж, 1932 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Попелики Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (52 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
18. Воспоминания Ж, 1932 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Селявщина Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
19. Воспоминания Ж, 1935 г.р., записаны 13.08.2017 г. в д. Миськие Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
20. Воспоминания Ж, 1933 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Альбрехтово Россонского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

¹ С целью сохранения конфиденциальности личных данных Ф.И.О не публикуются, соответственно указывается только пол: Ж – женщина, М – мужчина.

21. Воспоминания М, 1931 г.р., записаны 20.06.2009 г. в г. Барань Оршанского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 34 минуты на русском языке) хранится в личном архиве автора.
22. Воспоминания Ж, 1928 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Комаи Поставского района Е.А. Гребенем, Е.В. Сумко; аудиозапись (51 минута на русском языке) хранится в личном архиве автора.
23. Воспоминания Ж, 1923 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г. Верхнедвинске Е.А. Гребенем; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
24. Воспоминания М, 1928 г.р., записаны 10.07.2009 г. в д. Велевщина Лепельского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (46 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
25. Воспоминания Ж, 1922 г.р., записаны 7.10.2017 г. в д. Петровичи Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (1 час 21 минута на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
26. Воспоминания М, 1929 г.р., записаны 13.08.2017 г. в д. Груздово Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
27. Воспоминания Ж, 1922 г.р., записаны 12.08.2017 г. в г/п Лынтупы Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (35 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
28. Воспоминания М, 1927 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Свирдуны Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись 29 минут на белорусском языке хранится в личном архиве автора.
29. Воспоминания Ж, 1920 г.р., записаны 12.08.2017 г. в г/п Лынтупы Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
30. Воспоминания М, 1928 г.р., записаны 4.07.2009 г. в д. Заполье Витебского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (1 час 45 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
31. Воспоминания Ж, 1930 г.р., записаны 23.02.2009 г. в г. Лепеле Е.А. Гребенем; аудиозапись (28 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
32. Воспоминания Ж, 1923 г.р., записаны 7.10.2017 в д. Переслега Поставского района Е.А. Гребенем, А.И. Корсак, Е.В. Сумко; аудиозапись (22 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
33. Воспоминания М, 1932 г.р., записаны 20.09.2011 г. в д. Затекаясье Лепельского района Е.А. Гребенем; аудиозапись (52 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

EXTREME LIFE OF THE BELARUSIAN PODVINYA INHABITANTS' DURING THE GERMAN OCCUPATION OF 1941 – 1944 (ACCORDING TO THE EYEWITNESSES' RECOLLECTIONS)

Y. HREBEN

The extreme life in the conditions of the German occupation of 1941-1944 based on the memories of the Belorussian Podvinya inhabitants' is characterized in the article. Everyday practices used by people in the extreme situation of the German occupation (extreme gastronomy, preservation of property, methods of treating diseases, etc.) are reconstructed. The attention is focused on the distinctive features of the residents' daily life at the eastern and western districts of the Vitebsk region.

Key words: Dvina region, German occupation, extreme life, memories

УДК 94(470)«1945/1954»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОЦКОГО ОБЛЛИТА В 1945–1954 гг.

Козлов А.А.

Республика Беларусь, Витебск

Статья посвящена деятельности Полоцкого областного управления по делам литературы и издательств (обллита) в 1945-1954 годах. Полоцкий обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае возникновения спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. Деятельность Полоцкого обллита была направлена не только на реальную охрану государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, библиотек именно с этих позиций.

Ключевые слова: политическая цензура, «вычерки», обллит.

Цензура была неотъемлемой частью советской государственной системы, которая стремилась к тотальному контролю информационного пространства. Поэтому восстановлением местных органов (обллитов) власти занялись сразу после освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. В настоящее время проблема доступа к информации актуализировалась из-за значительного расширения информационного пространства.

Белорусские исследователи В. Матюх, В. Ракашевич, А. Гужаловский, Л. Смиловицкий и др. обращались к теме политической цензуры. Однако деятельность Полоцкого обллита в послевоенный период рассматривается впервые.

Цель статьи – показать основные направления работы Полоцкого областного управления по делам литературы и издательств в 1945-1954 гг.

Для решения поставленных задач был привлечен документальный материал из Национального архива Республики Беларусь (фонд 1195), Государственного архива Витебской области (фонд 3991) и Зонального государственного архива г. Полоцка (фонд 750). При этом основу работы составили документы Зонального архива в г. Полоцке. Однако репрезентативность архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены. Тем не менее, архивные источники, такие